

## МЕНТАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО РЕГИОНА

## MENTAL SPACE OF THE REGION

УДК 130.2

DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-4-68-75

**Владимир Сергеевич Глаголев,**  
*Московский государственный институт международных отношений*  
(г. Москва, Россия),  
e-mail: kfmgimo@gmail.com

### Концептуализация понятия «бытовой ориентализм» в России: стереотипы и прототипы

Актуальность исследования «бытового ориентализма» связана с широким распространением этого феномена в современной российской культуре. Обращение к истории показывает наличие устойчивых стереотипов по отношению к «восточным партнёрам» в разных сферах межкультурного взаимодействия. Осмысление наиболее глубоких исторических корней тех или иных стереотипов, а также факторов, влиявших на их последовательное изменение (а иногда – и преодоление), – перспективное поле философско-культурологического анализа. Таким образом, теоретико-методологический фундамент данного исследования предполагает наличие компаративной призмы, использующей сравнительно-исторический, историко-генетический и герменевтический методы. В то же время уместным оказывается контент-анализ некоторых понятий, представляющих в массовом сознании стереотипы, связанные с концептом «Восток». Одним из таких понятий выступает само понятие «Восток». Изучение традиций отечественной научной ориенталистики позволяет включить в его логический объём довольно широкий спектр географических локаций, расположенных (прямо либо опосредованно) вдоль исторических границ Древней Руси и её политических преемников. Важно также иметь в виду, что сама территория России не оставалась неизменной, постепенно расширяясь, в том числе и на восток. Как следствие, сравнительно новый концепт «бытового ориентализма» наполняется географическим, историческим и ценностным содержанием. Новизной отличается также анализ процессов стереотипизации в массовом сознании ценностного содержания концепта «Восток» применительно к нескольким из упомянутых культурно-географических локаций. Эти процессы изучены на примере «снятых» исторических оценок, а также оценок, основанных на непосредственном контакте с носителями «восточных» культур.

**Ключевые слова:** философия культуры, «Восток» как феномен культуры, «бытовой ориентализм», культурные стереотипы, межкультурная коммуникация

**Vladimir S. Glagolev,**  
*Moscow State Institute of International Relations*  
(Moscow, Russia),  
e-mail: kfmgimo@gmail.com

### Conceptualization of “Everyday Orientalism” Idea in Russia: Stereotypes and Prototypes

Urgency of “everyday orientalism” phenomenon research study can be explained by the fact that it is widespread in modern Russian culture. At the same time, addressing the issue background is an inevitable requirement determining system-defined and comprehensive character of those conclusions demonstrating presence of stable stereotypes towards “oriental partners” in various fields of intercultural interaction with them. Comprehension of the deepest roots in history of various stereotypes as well as factors which influenced their consistent changes (sometimes their overcoming) is a promising field of a philosophic and culturological analysis. Thus, theoretical and methodological base of this research presumes availability of a comparative prism assuming comparative history, comparative genetics and hermeneutics methods. At the same time, content analysis of some notions representing in popular consciousness stereotypes concerning the “East” is quite appropriate. One of those notions is concept of the “East” itself. Addressing traditions of domestic oriental studies enables to include quite a wide spectrum of geographical locations into its logical range. They are distributed (directly or indirectly) along historical borders of

© Глаголев В. С., 2019





Ancient Rus and its political successor. It's worth mentioning that Russian territory itself did not stay unchangeable gradually spreading in Eastern direction as well. As a consequence, comparatively new concept of "everyday orientalism" is being filled with geographical, historic and values content. *Novelty* is characteristic also for an analysis of stereotypization processes in popular consciousness concerning concept of the "East" values content as applied to some of the mentioned cultural and geographic locations. These processes have been studied on examples of "waived" historic assessments as well as assessments based on direct contacts with native representatives of "Eastern" cultures.

**Keywords:** philosophy of culture, "East" as a cultural phenomenon, "everyday orientalism", cultural stereotypes, intercultural communication

**Введение.** Актуальность темы данного исследования связана с насущным вопросом о развитии межкультурной коммуникации России и её восточных партнёров на всём протяжении южных и восточных границ, охватывающих сегодня широкие просторы от Закавказья, Индии, арабских стран и Центральной Азии вплоть до Забайкалья [1] и Дальнего Востока. Такая коммуникация прямо связана с концептами «мягкой силы» [13, с. 204–211] и социальной эмпатии [9, с. 162–181], а также зависит от способности контрагентов понять логику их оппонентов, в значительной мере отражающую формы мышления, характерные для той или иной лингвокультуры [11].

Свою лепту в осмысление культурной специфики бытовых стереотипов о «Востоке» в этом широком понимании вносит современная политическая ситуация, активно транслирующая в массовое сознание россиян концепт «Евразии» в качестве наиболее перспективной культурной и политической платформы, объединяющей суперполитическое пространство России и её соседей по принципу культурной, социальной и историко-политической общности [4], а также – общности экономических интересов, активно влияющих на другие аспекты взаимодействия. При этом изучение бытующего в массовом сознании концепта представляется не менее интересным, чем «нормативистское» его прочтение в научном дискурсе: реакция массового сознания на те или иные властные решения напрямую зависит от его внутренних параметров, а не только от технологий управления и влияния [21].

Не секрет, что понятие «Восток» в русском (и не только) лингвокультурном контексте имеет свою неоднозначную историю. Достаточно вспомнить давний спор о том, «где находится Средний Восток» [22; 23] и вывод, к которому пришли диспутанты: «один концепт, много практик» [24].

Литературные произведения, посвящённые концепту «Восток», упоминают географические места, нередко расположенные по отношению к российской территории, мягко говоря, не совсем на востоке. Даже если

встать на точку зрения подвергшегося ныне резкой критике «центризма» (то есть признания определяющей роли столичных городов при анализе географических распределений политико-культурных приоритетов), вряд ли Византия или Турция [26, с. 61–86] может быть названа востоком в прямом смысле этого слова. Скорее, речь идёт о юге. В то же время, исключив «центризм», востоком перестанет быть также Центральная Азия и большая часть Китая. Даже то, что традиционно именуется в научных исследованиях как «Дальний Восток» (часть российской территории находится на Дальнем Востоке), речь опять же идёт, скорее, о географическом юге.

Вместе с тем все упомянутые выше социокультурные образования (часть территорий, некогда принадлежавших Византии и Османской империи; современная Турция; Центральная Азия; Китай; а также Япония) охватываются в бытовом сознании россиян концептом «Восток». Вместе с тем, Греция и славянские страны Балкан (также входившие в состав названных империй) к востоку в этом смысле относить не принято.

Возникает логичное предположение, что «Восток» имеет религиозные коннотации, включая в себя преимущественно исламский и буддийский маркеры. Однако и в этом случае возникает определённая путаница: упомянутые религии имеют долгую историю и на Западе (Испания). К тому же они распространены и в самой России, причём сегодня ареал их распространения не коррелируется исключительно с приграничным востоком. Более того, к востоку в этом случае придётся отнести значительное число «народных религий», вообще не принадлежащих ни к одной из мировых религий.

Именно поэтому предложение считать «Восток» не географически, а культурно определяемым понятием не может избежать, во-первых, комплексной оценки (*не только география, не только религия* и т. д.). Во-вторых, комплексная оценка предполагает изучение не только «реального» положения дел в упомянутых странах и регионах (реальная экономика, реальная политики и т. д.), но и

расхожих представлений о них, бытующих в массовом сознании [18]. При этом важно оценить как действительные предпосылки таких представлений – прототипы [5; 6], так и динамику тех усреднённых и мало подвижных образов, которые формируются на их основе и именуется «стереотипами»<sup>1</sup> [10; 14].

**Методология** исследования представляет собой *философско-культурологический анализ*, основанный на применении сравнительно-исторического и герменевтического методов, а также *категориальный анализ* и *контент-анализ*. Необходимость комплексного рассмотрения феномена «бытового ориентализма» определила междисциплинарный характер исследования, что потребовало обращения к данным науки (в частности, истории международных отношений), художественной литературы и обыденного сознания (образно-лексические элементы художественных текстов и публикация в средствах массовой информации).

**Результаты исследования и их обсуждение.** Исследование показало наличие обширного пласта стереотипов в области «бытовой ориентализма», характерного для массового сознания россиян. Эти стереотипы основаны на специфическом соединении исторических сведений и опыта повседневного и делового общения с представителями тех стран и народов, которые в массовом сознании прочно ассоциируются с концептом «Восток». Однако подчеркнём ещё раз, что на деле речь не идёт о географическом востоке. Концептуализация данного понятия прочно связана с его философско-культурологической интерпретацией [2, с. 7], которая, в свою очередь, по сути является мифологемой, соединяющей различные идентификаторы (от социальных, экономических и политических традиций до специфических черт искусства [3], этики и религии) народов, проживающих на территориях, охватывающих границы современной России с юго-востока, юга и юго-запада.

К числу прототипов при этом можно отнести представление о «востоке» как «ином» в лингвистическом, религиозном, социальном, эстетическом [19; 20] и других смыслах. К числу стереотипов можно отнести представления о сущности этих отличий, дополненные, как и при любой стереотипизации, жёсткой неизменностью и негативными коннотациями. Для «Востока» как широкого понятия-мифологемы к стереотипам относятся:

жестокость, коварство (непредсказуемость), изнеженность и т. п. (то есть принадлежность к «антиценностям»). Анализ показывает, что со временем стереотипы переходят на уровень ориентиров, подчёркивающих следующие особенности восточных культур (в представлении массового сознания россиян): 1) «восточный коллективизм» – специфическая корпоративность, основанная на устойчивых горизонтальных и вертикальных социальных связях [15]; 2) подчинённость жизни индивидуума приоритетам государства [26]; 3) религиозный радикализм; 4) крайний политический и экономический прагматизм.

При этом россиянам (в том числе, принадлежащим к сходным этническим и религиозным общностям), согласно матрицам стереотипизации, свойственны: 1) «соборность» как нормативная установка, предполагающая единство личности и коллектива [11]; 2) сложно переживаемая самоидентификация с государством как «культурой» на фоне большой «дистанции власти»; 3) религиозная «отзывчивость», латентно допускающая религиозное многообразие как форму культурного самоопределения (следствие поликонфессиональности страны); 4) идеализация и абсолютизация своих представлений о партнёрах на фоне установки на прагматическую корректность взаимодействия с ними.

Преодоление стереотипов возможно путём интенсификации контактов (метод «проб и ошибок»); а также путём ознакомления с данными науки и профессиональными тренингами [17].

«Восток – дело тонкое». Ёмкая и многовекторная сентенция как в капле воды отразила сложнейшее переплетение разнообразных ситуаций, обусловленных необходимостью распутывать и пресекать сложности межкультурной коммуникации, изредка переходящей в откровенный бандитизм на службе иностранных интересов. Упомянутая сентенция отсылает зрителей фильма «Белое солнце пустыни» к тому отрезку советского времени, когда опыт деятельности Третьего Интернационала, координируемой из Москвы, столкнулся с бесчисленными ловушками и осложнениями ключевых направлений советской внешней политики. Роспуск этой организации в 1943 году, осуществлённый ради укрепления союза участников антигитлеровской коалиции, вовсе не означал уход нашей страны с востока – более того: ещё в сентябре 1941 года советские войска заняли северную часть Ирана по линии размежевания с англичанами, разработанной

<sup>1</sup> Силантьева М. В. Проблемы логики и теории познания в современном гуманитарном знании: учеб. пособие. – М.: МГИМО, 2006. – С. 178–191.



в договорённостях И. Сталина с У. Черчиллем. Параллельно продолжалась советская поддержка Мао Цзэдуна в Китае при сохранении отношений с Чан Кайши – союзником СССР, США и Великобритании в противодействии японской экспансии на востоке Азии. Последующая переориентация по времени Н. С. Хрущёва советской внешней политики на поддержку антиимпериалистического импульса движения за освобождение в африканских, азиатских и латиноамериканских колониях западных держав сопровождалась масштабными усилиями сотрудничества с режимами, объявившими себя сторонниками укрепления независимости и так называемой социалистической ориентации.

Начиная с Московского фестиваля молодёжи и студентов 1957 года, стремительно расширялся диапазон контактов с представителями деловых, политических и культурных кругов так называемого «третьего мира», представлявшего кремлевским политикам зону, где влияние идей социализма имеет больше возможностей, чем на «растленном Западе». Отсюда – идеализация «Востока» в широком значении этого термина, включающего не только азиатский континент, но и ряд территорий за его пределами.

Существовали ли в общественном сознании страны какие-то ориентиры, противостоящие неоправданному оптимизму ожиданий устойчивого и долговременного сотрудничества с партнёрами молодых государств земного шара? Разумеется, существовали. Остановимся на описании лишь некоторых стран региона, охватываемого географически объёмным и культурно парадоксальным концептом «Восток».

Почти тысячелетняя история Российского государства развёртывалась в сложных и динамичных перипетиях не только с западными соседями, но и с азиатским ингредиентом политико-экономической жизни Древней Руси, Московского княжества, царской и императорской России. До сих пор в массовом сознании сохраняется образ печенежского князя, приказавшего оправить в серебро и золото череп Святослава – убитого им сына княгини Ольги и князя Игоря. Половецкий поход новгород-северского князя Игоря отразился в древнерусской литературе и дошёл до наших дней, как и образ «неразумных хазар», с которыми успешно воевал легендарный князь Олег и другие владельцы земель Киевской Руси. Трагедия военного поражения на Калке, разгрома полчищами хана Батыя древнерусских княжеств и последующее превращение их населения в данников Золотой

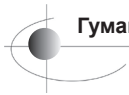
Оды закрепилось в поговорке про гостя, который «хуже татарина».

Не следует забывать и о том, что византийское духовно-культурное наследие, осваиваемое нашими предками со времён крещения Руси князем Владимиром, сопровождалось, наряду с образцами высокой духовности, и образами невиданной роскоши и примерами утончённейшего лукавства. Здесь византийские ромеи наследовали практику не только Древнего Рима, но и персидских царей, оставивших свой след на Пелопоннесе задолго до походов Александра Македонского через Персию в Индию. В свою очередь восточная изнеженность прямых наследников его царства питалась возможностями, которые предоставляли деспотические режимы на удерживаемых ими территориях.

Когда после Тильзита Наполеон назвал Александра I «лукавым византийцем», он не просто упражнялся в остроумии. По опыту своего похода в Египет и на земли Палестины он знал своеобразный склад уклончивости, хитрости и имитации дружелюбия в выражениях братской любви, на которую не поспешил русский царь, добиваясь устойчивых отношений со своим вчерашним военным противником. Удивляться этому качеству русского самодержца не следует: помимо хронической раздвоенности в его отношениях к отцу, Павлу, и бабушке, Екатерине II, он вынужден был лавировать с младых ногтей в отношениях с фаворитами последней, сменяемыми друг друга вместе с изменением влияния их сторонников в придворной среде.

Мурзы Золотой Орды, «отъезжавшие под власть» московских князей, по мере ослабления власти золотоордынских ханов, разъедаемой непрерывными междуусобицами, катастрофическим для Орды уроком Куликовской битвы и параличом воли, проявленным в стоянии на реке Угре, – всё это в совокупности способствовало «присадке» элементов бытовой культуры степняков и их обычаев в среде славян и финно-угров, имевшей более или менее прямое отношение к политике и культуре, образованию и торговле Московского княжества, а затем и царства.

Путешествие Афанасия Никитина, равно как и приключения православных паломников, стремившихся на Святую землю (и время от времени добравшихся до неё), приносили с собой не только сведения, но и образцы повседневного поведения, обусловленного особенностями конвенциональных ситуаций восточного происхождения. Среди положительного опыта здесь можно выделить традиции восточного гостеприимства, наделяющие



персону гостя сакральным значением. Но лишь, разумеется, на определённое время и в определённых обстоятельствах.

Началом движения русских первопроходцев на северо-восток можно считать миссию святого Стефана Пермского. Встречаясь с традициями и обычаями местных племён, он вынужден был считаться с теми из них, которые не препятствовали успеху христианизации. И проявлял себя непримиримым в отношении к идолопоклонству и практике жертвоприношений, подчас предельно жестоких даже в глазах человека конца XIV века.

Последующее движение казаков и других искателей приключений через Уральский хребет на сибирские земли сопровождалось – при всех тяготах повседневной жизни – настроениями шапкозакидательства. Ермака погубило не военное искусство сибирских татар и не преимущество холодного оружия перед пороховыми пищалками и даже пушками, а элементарная беспечность. В дальнейшем строительство острожков и других простейших оборонительных сооружений стало принципом продвижения россиян не только по Сибири и Дальнему Востоку, но и в центрально-азиатском направлении – достаточно вспомнить Оренбургскую губернию времён Екатерины, описанную А. С. Пушкиным. Нападения на эти укрепления происходили, как правило, без всяких предупреждений, со стремлением захватить их, опираясь на численное преимущество нападающих. О справедливости и гуманности последних говорить не приходится. Вырезали или обращали в рабство до последнего человека, – если не было необходимости обменять их на пленных, ранее захваченных русскими пришельцами.

На протяжении XVII–XIX веков постоянным объектом противостояния на Юге России была Турция, привлекая на свою сторону Крымское ханство (до его присоединения к России) и многочисленные племена и народности Северного Кавказа и Закавказья, противостоявшие военно-политической экспансии с севера. Россия стремилась использовать в своём противоборстве с Османской империей христиан-единоверцев среди армян и грузин, а также греков и славянское население Балкан. Постоянные и всё более дифференцированные отношения с этими союзниками способствовали основательной ориентации русской дипломатии в отношениях с этим соседом.

В массовом сознании турки часто представлялись жестокими и безрассудными на поле боя. Считалось, что это – результат ку-

рения гашиша и оглушающего эффекта турецких военных оркестров [7, с. 103–104] на полях сражений. Кроме того, турецкие военачальники в соответствии с древнейшими правилами войны оставляли в распоряжении своих солдат в случае победы значительную долю захваченных ими трофеев, включая женщин и детей. Как и пленных мужчин, их ждало обращение в рабство и полное бесправие, если они отказывались принять ислам. Соответственно, систематическая конверсия христиан в мусульман, практиковавшаяся ещё арабскими халифами, затрагивала глубокие пласты культурно-религиозной самоидентификации и усиливала до предела негативное отношение к противнику.

Однако в относительно мирные периоды торговля турецких купцов и встречные поставки российских торговых людей осуществлялись довольно успешно и носили взаимовыгодный характер. Благодаря этому каналу российская знать, а затем и более широкий круг состоятельных людей, получали заморские диковинки из Индии, Китая, Средней Азии, что способствовало относительно адекватному представлению о бытовой культуре восточных соседей. Напомним, что церемониальное оружие и некоторые элементы коронационных торжеств имели восточный отпечаток и регулярно выполнялись мастерами из Османской империи и примыкавших к ней восточных регионов. Это питало мало-помалу чувство уважения к труду изобретательных и искусных восточных умельцев.

Межгосударственные отношения Китая и России пришлось на период правления Цинской маньчжурской династии. Она, как известно, освоила ханские обычаи и традиции, но опиралась на сеть клановых взаимоотношений правителей-пришельцев. С одной стороны, это способствовало потребительскому отношению к возможностям государственной власти как к инструменту, оказавшемуся в руках по стечению обстоятельств. Следствием стало коррупционное использование чиновничьих должностей на всех уровнях, что облегчало российской администрации достижение соглашений, отвечавших долгосрочным интересам российской политики. Вместе с тем коррупция привела к падению империи, провозглашению республики и последовавшему длительному периоду гражданских войн, продолжавшихся на территории страны до 1949 года. Переменчивые и противоречивые политико-экономические ситуации, отличавшие это время, потребовали от российских политиков большого хладнокровия и



готовности принимать неизбежность перемен и приспосабливаться к ним.

Подготовка в советское время большого числа китайских специалистов высшего и среднего звена открывала, казалось бы, возможности культурно-политического влияния Москвы. Однако прагматизм китайских руководителей, сменявших друг друга как при Мао Цзэдуне, так и после его смерти в 1976 году, нейтрализовал по существу все попытки расширить культурно-политическое присутствие нашей страны в делах своего укреплявшегося соседа. Идеологический разрыв марксизма-ленинизма с маоизмом, объявленный руководителями двух стран, к 1960 году свёл реалии такого влияния исключительно к сфере освоения Китаем новейших технологий двойного назначения, приобретаемых у Советского Союза. Они в сочетании с привлечением на службу страны высококвалифицированных специалистов из числа представителей китайской зарубежной общины (хуацяо) позволили сравнительно быстро модернизировать советские технические образцы под потребности китайского государства, мультиплицировать их и развивать на основе разнообразных источников, заимствуемых из Западной Европы, США и Японии технических новинок. Это особенно коснулось электроники и ряда других сфер, где заделы Советского Союза и России не были поставлены на массовый и надёжный технологический поток [13]. Постсоветский российский обыватель успешно освоил практику приобретения и транспортировки на территорию своей страны китайского ширпотреба и бытовой техники. Стереотипы, возникшие в постсоветский период, приписывают китайским партнёрам установку на массовость в ущерб качеству, предельную гибкость и прагматизм поведения, заискивание в «нужных» контекстах и полную закрытость по ряду «личных» вопросов. Параллельно осуществляется

сотрудничество России и КНР в крупных экономических и научных проектах, в сфере науки и образования [16], раскрывающее новые грани взаимного узнавания на новом уровне.

#### **Выводы.**

1. Представление о восточных партнёрах как о простодушных по внешнему рисунку поведения и совершенно непостижимых по конечным целям своей деятельности не является адекватным. В большинстве случаев они являются агентами государственной политики или лоббируют корпоративные интересы, характер которых определяется профилем и местом соответствующих деловых структур в данной стране или на международной арене.

2. Культурная составляющая в аксиологических ориентирах восточных партнёров определяется историческим и реальным опытом взаимодействия с представителями этих культур. Опыт взаимодействия корректирует стереотипы в сторону большего реализма представлений о партнёрах.

3. Концептуализация понятия «бытовой ориентализм» показывает высокую степень востребованности философско-культурологического анализа данного феномена массового сознания, определяющего нерелевантную составляющую поведения россиян в процессе межкультурной коммуникации с представителями ряда стран, относимых к ареалу, охватываемому этим концептом.

4. Стереотипы, представляющие в массовом сознании россиян «Восток», определяют низкую степень действительной готовности к контактам.

5. Ряд стереотипов подвергается пересмотру в процессе реального взаимодействия, путём ознакомления с научными данными либо в процессе прохождения специальных тренингов, что позволяет сделать межкультурную коммуникацию с «восточными партнёрами» более эффективной.

#### **Список литературы**

1. Арзуманов И. А. Трансформация пространства религиозной культуры Байкальского региона в трансазиатском контексте (XX–XXI вв.). Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2008. 319 с.
2. Бернюкевич Т. В. О некоторых дискуссионных вопросах концептуализации и типологического сравнения культурных универсалий в современной отечественной философии // Учёные записки Забайкальского государственного университета. Серия «Философия, социология, культурология, социальная работа». 2009. № 4. С. 6–11.
3. Бокавнева О. В. Стилистические приёмы в изобразительном компоненте карикатуры // Концепт: философия, религия, культура. 2018. № 4. С. 156–164.
4. Воскресенский А. Д. Политические системы и модели демократии на Востоке. М.: Аспект Пресс, 2007. 190 с.
5. Гетьманенко Н. И. Прототипы и стереотипы: данные студенческих опросов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2011. № 3. С. 78–97.
6. Гетьманенко Н. И., Хохлина М. Л., Амирова Ж. Г., Жубанова А., Кореновская Л., Армоник Л. Б., Полетаева О. А. Стереотипные портреты и прототипные реалии: опыт международного социокультурного исследования «Особенности восприятия русской культуры за рубежом» // Мир русского слова. 2012. № 2. С. 96–102.



7. Горбунова М. Ю. Военный оркестр мехтер в контексте турецкой традиционной культуры: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. М., 2018. 218 с.
8. Панфилова Т. В., Самарин А. Н., Желудова Н. Ф. Социальная эмпатия в перспективе межкультурной коммуникации // Конфликтология. 2016. № 4. С. 262–281.
9. Питерова А. Ю., Тетерина Е. А. Социальные стереотипы: особенности формирования и изучения // Наука. Общество. Государство. 2016. Т. 4, № 1. URL: <https://www.cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-stereotipy-osobennosti-formirovaniya-i-izucheniya> (дата обращения: 17.03.2019). Текст: электронный.
10. Попков В. Д. Стереотипы и предрассудки: их влияние на процесс межкультурной коммуникации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. 1, № 3. С. 178–191.
11. Силантьева М. В. Ценностный потенциал христианства перед теоретическими вызовами современности // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2009. Т. 10, № 2. С. 196–206.
12. Силантьева М. В., Шестопап А. В. Межкультурная коммуникация. «Мягкая сила» культурных модуляторов // Ресурсы модернизации: возможности и пределы международного контекста: материалы VII Конвента РАМИ «Ресурсы модернизации: возможности и пределы международного контекста». М.: Аспект, 2012. С. 204–211.
13. Современные российско-китайские отношения / под ред. С. Г. Лузянина, А. Г. Ларина, Е. И. Сафровой. М.: ДеЛи плюс, 2017. 264 с.
14. Сорокина Н. В. Национальный стереотип как междисциплинарная проблема // Гуманитарный вектор. Серия «Педагогика, психология». 2011. № 1. С. 51–59.
15. Сухомлинова В. В. Альтернативный коллективизм: глубинные характеристики традиционного китайского общества // Манускрипт. 2018. № 9. С. 93–99.
16. Сухомлинова В. В. Философский конгресс в Пекине // Концепт: философия, религия, культура. 2018. № 4. С. 188–189.
17. Халиль М. А. Аксиологическая компетентность как основа успешной межкультурной коммуникации // Концепт: философия, религия, культура. 2018. № 4. С. 82–90.
18. Чупрова И. А. «Имидж» и «образ» страны: проблема демаркации понятий // Право и управление. XXI век. 2015. № 4. С. 129–133.
19. Чупрова И. А. Коммуникативная сущность феномена русского пианизма и его роль в современной культуре // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2016. Т. 5, № 5. С. 21–25.
20. Чупрова И. А. Традиции московской пианистической школы в межкультурном диалоге России и Китая // Вопросы культурологии. 2016. № 8. С. 67–71.
21. Barkema H. G. West meets East: New concepts and theories // Academy of Management Journal. 2015. Vol. 58, No. 2. Pp. 460–479.
22. Bilgin P. Whose “Middle East”? Geopolitical Inventions and Practices of Security // International Relations. 2004. Vol. 18, No. 1. Pp. 25–41.
23. Davison R. H. Where is the Middle East // Foreign Aff. 1959. Vol. 38. P. 665.
24. Fung K., Craig G. One concept: many practices. The diverse understandings of Community Development in East and South-East Asia // Community Development Journal. 2017. Vol. 52, No. 1. Pp. 1–9.
25. Robins K. Interrupting Identities: Turkey / Europe // Questions of cultural identity. London: SAGE Publications Ltd., 1996. Pp. 61–86.
26. Voskressenski A. D. The eastern and western political worlds and classifications of world political systems // Is Non-western Democracy Possible?: A Russian Perspective. М.: School of International Relations, MGIMO University, 2017. Pp. 15–86.

**Статья поступила в редакцию 10.04.2019; принята к публикации 07.05.2019**

#### **Сведения об авторе**

Глаголев Владимир Сергеевич, доктор философских наук, Московский государственный институт международных отношений; 119454, Россия, г. Москва, пр-т Вернадского, 76; e-mail: [kfmgimo@gmail.com](mailto:kfmgimo@gmail.com); ORCID: 0000-0003-1480-5152.

#### **Библиографическое описание статьи**

Глаголев В. С. Концептуализация понятия «бытовой ориентализм» в России: стереотипы и прототипы // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14, № 4. С. 68–75. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-4-68-75.

#### **References**

1. Arzumanov, I. A. Transformation of the space of religious culture of the Baikal region in the Trans-Asian context (XX–XXI centuries). Irkutsk: Irkutsk. gos. un-t, 2008. (In Rus.)
2. Bernyukevich, T. V. On some debating points of conceptualization and typological comparison of cultural universals in contemporary Russian philosophy. Scholarly Notes of Transbaikalian State University. Series: Philosophy, sociology, cultural studies, social work, no. 7, pp. 6–11, 2009. (In Rus.)



3. Bokavneva, O. V. Stylistic devices in the visual component of cartoon. Concept: philosophy, religion, culture, no. 4, pp. 156–164, 2018. (In Rus.)
4. Voskresenskii, A. D. Political systems and models of democracy in the East. M: Aspekt Press, 2007. (In Rus.)
5. Get'manenko, N. I. Prototypes and stereotypes: data of student surveys. Monitoring of public opinion: economic and social changes, no. 3, pp. 78–97, 2011. (In Rus.)
6. Get'manenko, N. I., Khokhlina, M. L., Amirova, Zh. G., Zhubanova, A., Korenovskaya, L., Armonik, L. B., Poletaeva, O. A. Stereotypical portraits and prototypical actuals: international sociocultural research experience "the peculiarities of Russian culture perception". The World of Russian Word, no. 2, pp. 96–102, 2012. (In Rus.)
7. Gorbunova, M. Yu. Military orchestra mehter in the context of Turkish traditional culture. Cand. cult. sci. diss. M: 2018. (In Rus.)
8. Panfilova, T. V., Samarin, A. N., Zheludova, N. F. Social empathy in the perspective of intercultural communication. Conflictology, no. 4, pp. 262–281, 2016. (In Rus.)
9. Piterova, A. Yu., Teterina, E. A. Social stereotypes: features of formation and study. Science. Society. State, vol. 4, no. 1, 2016. Web: 17.03.2019. <https://www.cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-stereotipy-osobennosti-formirovaniya-i-izucheniya>. (In Rus.)
10. Popkov, V. D. Stereotypes and prejudices: their influence on the process of intercultural communication. Journal of Sociology and Social Anthropology, no. 3, pp. 178–191, 2002. (In Rus.)
11. Silant'eva, M. V. Value potential of Christianity in front of contemporary theoretical challenges. Bulletin of the Russian Christian Academy of Humanities, t. 10, no. 2, pp. 196–206, 2009. (In Rus.)
12. Silant'eva, M. V., Shestopal, A. V. Intercultural communication. The "soft power" of cultural modulators. Resources for modernization: the possibilities and limits of the international context. Proceedings of the VII RISA Convention. M: Aspekt Press, 2012: 204–211. (In Rus.)
13. Modern Russian-Chinese relations. M: DeLi plyus, 2017. (In Rus.)
14. Sorokina, N. V. National stereotype as an interdisciplinary problem. Humanitarian vector. Series: Pedagogy, Psychology, no. 1, pp. 51–59, 2011. (In Rus.)
15. Sukhomlinova, V. V. Alternative collectivism: deep characteristics of traditional Chinese society. Manuscript, no. 9, pp. 93–99, 2018. (In Rus.)
16. Sukhomlinova, V. V. Philosophical Congress in Beijing. Concept: philosophy, religion, culture, no. 4, pp. 188–189, 2018. (In Rus.)
17. Khalil', M. A. Axiological competence as a basis of successful cross-cultural communication. Concept: philosophy, religion, culture, no. 3, pp. 82–90, 2017. (In Rus.)
18. Chuprova, I. A. "Image" and "mental impression" of the country: the problem of demarcation of concepts. Law and Administration. XXI Century, no. 4, pp. 129–133, 2015. (In Rus.)
19. Chuprova, I. A. Communicative essence of the phenomenon of Russian pianism and its role in modern culture. Scientific research and development. Modern communication studies, no. 5, pp. 21–25, 2016. (In Rus.)
20. Chuprova, I. A. Traditions of the Moscow piano school in the intercultural dialogue between Russia and China. Cultural Studies, no. 8, pp. 67–71, 2016. (In Rus.)
21. Barkema, H. G. et al. West meets East: New concepts and theories. Academy of Management Journal, no. 2, pp. 460–479, 2015. (In Engl.)
22. Bilgin, P. Whose 'Middle East'? Geopolitical Inventions and Practices of Security. International Relations, no. 1, pp. 25–41, 2004. (In Engl.)
23. Davison, R. H. Where is the Middle East. Foreign Affairs, vol. 38, p. 665, 1959. (In Engl.)
24. Fung, K., Craig, G. One concept: many practices. The diverse understandings of Community Development in East and South-East Asia. Community Development Journal, no. 1, pp. 1–9, 2017. (In Engl.)
25. Robins, K. Interrupting Identities: Turkey/Europe. Questions of cultural identity. London: SAGE Publications Ltd., 1996: 61–86. (In Engl.)
26. Voskressensky, A. D. The eastern and western political worlds and classifications of world political systems. Is Non-western Democracy Possible? A Russian Perspective. M: School of International Relations, MGIMO University. 2017: 15–86. (In Engl.)

**Received: April 10, 2019; accepted for publication May 7, 2019**

#### **Information about author**

*Glagolev, Vladimir S.*, Doctor of Philosophy, Moscow State Institute of International Relations; 76 Vernadskogo ave., Moscow, 119454, Russia; e-mail: [kfmgimo@gmail.com](mailto:kfmgimo@gmail.com); ORCID: 0000-0003-1480-5152.

#### **Reference to the article**

Glagolev V. S. Conceptualization of "Everyday Orientalism" Idea in Russia: Stereotypes and Prototypes // Humanitarian Vector. 2019. Vol. 14, No. 4. PP. 68–75. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-4-68-75.